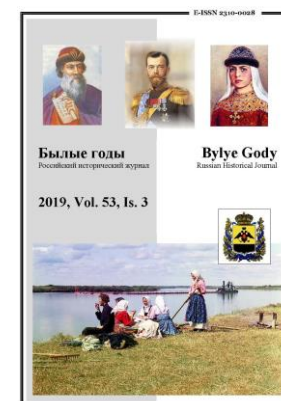

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1243-1255. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1243
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Idea of the Siberian University and Regionalism in the Letters of N.M. Yadrintsev to V.M. Florinsky (1876–1882)

Sergei F. Fominykh ^{a,*}, Aleksei O. Stepnov ^a, Olga V. Natolochnaya ^{b,c}

^a National Research Tomsk State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article deals with the letters of one of the Siberian regionalism founders N.M. Yadrintsev to V.M. Florinsky (known as the organizer of the Tomsk University), written during the period from 1876 to 1882. At this time the question of choosing a city for the first Siberian University was solving. The Omsk city Duma has proposed their city as a University in 1876. N.M. Yadrintsev, who was serving as an official in Omsk during this period, in several letters presented a bleak panorama of the climatic, architectural, infrastructural, criminogenic condition of this city.

N.M. Yadrintsev and V.M. Florinsky acted as associates in the question of the choosing of Tomsk as a city for the first University in the macro-region, as well as in total devotion to the idea of the Siberian University. At the same time we meet not the most flattering opinions in memoirs of Florinsky about his correspondent.

The authors find the implications of this "unity of contradictions" in the features political, national-identical word usage of this period. This is done on the materials of office documentation, sources of personal origin, periodical press. Both heroes of the study, inspired by the idea of the Siberian University, appealed to such concepts as "patriotism", "homeland", "country" and a number of other categories of national self-determination. At the same time the analysis of the semantic contents, that Florinsky and Yadrintsev put into these words, in the context of the evolution of their national-political opinions leads us to the conclusion about the conceptual transgression, heterogeneity of their political vocabulary and, as a consequence, about the deep contradiction in the views of the two heroes, and more widely – two currents of social and political thought of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries.

The combination of these contradictions has led to the impossibility of coexistence in the first Siberian University "mental" space of Florinsky as a conservative statesman and Yadrintsev as a regionalist. Hence there was the alienation of the representatives of the Siberian regionalism, in particular N.M. Yadrintsev, from the Imperial Tomsk University.

Keywords: Tomsk University, Siberian regionalism, N.M. Yadrintsev, V.M. Florinsky, conceptual transgression, national identity.

1. Введение

В 1875 г. в Санкт-Петербурге состоялась встреча двух людей, имена которых исторически связаны знаковым для Сибири событием – созданием первого в этом макрорегионе университета. Произошла она не ранее 25 апреля, когда император, ознакомившись с ходатайством о Сибирском университете, поданным Н.Г. Казнаковым при назначении его на пост генерал-губернатора Западной Сибири, признал предложение «вполне уважительным и в неизменной своей милости к

* Corresponding author

E-mail addresses: sergei.fominykh1940@mail.ru (S.F. Fominykh)

верноподданной Сибири» велел министру народного просвещения Д.А. Толстому высказать в связи с этим свои соображения. Один из участников петербургской встречи отмечал: «С этого момента вопрос о Сибирском университете из области предположений перешел на почву действительного осуществления» (Флоринский, 1880: 250). Данные слова принадлежат В.М. Флоринскому (1834–1899). С тех пор он, профессор по кафедре акушерства и гинекологии Медико-хирургической академии, член ученого комитета Министерства народного просвещения, «находился в наиболее близких отношениях к Томскому университету» (Флоринский, 1875–1880: 97). Мы помним В.М. Флоринского как первого попечителя Западно-Сибирского учебного округа, устроителя университета в г. Томске, ученого и чиновника, принявшего наиболее деятельное участие в реализации этой идеи, впервые высказанной в 1803 г.

Другой участник встречи, Н.М. Ядринцев (1842–1894), в конце предыдущего, 1874-го, года через посредничество М.К. Сидорова был представлен Н.Г. Казнакову, т.е. незадолго до назначения последнего. «Он совершенно очаровал меня, – вспоминал Ядринцев, – <...> “Скажите, что я могу сделать для Сибири”, спрашивал он. <...> я просил позволения представить ему записки и проекты по главным вопросам, между прочим, о ссылке, с программой сведений, какие необходимо собрать о современном положении ссылки и по истории вопроса о сибирском университете. Мысль об университете живо заинтересовала генерал-губернатора Казнакова» (Лемке, 1904: 102). На протяжении нескольких недель, по мере подготовки, Ядринцев передавал записки Казнакову. «Каждый раз наши беседы становились продолжительнее», – писал Николай Михайлович. Новость о соизволении императора он узнал именно от Н.Г. Казнакова.

Будучи вскоре после этого в Петербурге, Н.М. Ядринцев посетил В.М. Флоринского, которому представил проект «Общества для основания университета в Сибири» с рукописными пометками. Ядринцев хотел, чтобы с документом ознакомился министр народного просвещения. Флоринский же вспоминал: «Прочитав их, я тотчас сказал г. Ядринцеву, что проект его неуместен и не осуществим и что я считаю неудобным говорить об этом г. министру». И далее: «На этом дело остановилось» (Флоринский, 1875–1880: 100).

Копия нереализованного проекта долгое время хранилась в портфеле В.М. Флоринского. В своих речах, произнесенных как при закладке (26 августа 1880 г.), так и при открытии Императорского Томского университета (22 июля 1888 г.), давая обзор пути к созданию вуза, он не упомянул имен ни Н.М. Ядринцева, ни других идеологов сибирского областничества.

В современном сибиреведении проблема роли областников в создании первого сибирского университета, учрежденного в 1878 г., сохраняет свою актуальность. Неразделенность «интеллектуальной собственности» на проект идейного фундамента университета в Сибири по-прежнему требует исследования в отдельных аспектах.

Мы сфокусируем внимание на взаимоотношениях двух людей, противоречие между которыми контрастно выделяется на фоне их общего стремления к созданию сибирского центра научно-просветительской мысли. Анализируя дискурсы, отражающие национально-политическую идентичность Н.М. Ядринцева и В.М. Флоринского, мы увидим, что выраженные подчас одними и теми же понятиями они лишь создавали иллюзию общности видения миссии государства, патриотизма, родины – тех понятий, которые лежали в основе университетской идеи.

2. Материалы и методы

Несмотря на то что на этапе строительства областники оказались в некотором роде отстранены от непосредственного участия в реализации университетской идеи, тот же Н.М. Ядринцев не оставил своего морального участия в этом деле. Это, в частности, нашло отражение в 10-ти его рукописных посланиях (с 1876 по 1882 гг.) В.М. Флоринскому, которые в настоящей статье впервые вводятся в научный оборот. Письма, хранящиеся в Национальном музее республики Татарстан, имеют пометки адресата. По словам Флоринского, на последнее письмо Ядринцева от 29 октября 1882 г. он не ответил. «С тех пор, – вспоминал Василий Маркович, – наша переписка совсем прекратилась» (Флоринский, 1875–1880: 103).

Заметим, что с 1 января 1876 г. и вплоть до 1881 г. Н.М. Ядринцев служил в Омске: секретарем Акмолинского областного тюремного управления, и.о. столоначальника в Главном управлении Западной Сибири, временно и.д. младшего штатного чиновника особых поручений. В этот же период он дважды (в 1878 и 1880 гг.) побывал с экспедициями на Горном Алтае (Шиловский, 2007: 347).

В противовес анализу ответных посланий В.М. Флоринского, которые, вероятнее всего, могли не сохраниться, на материалах источников личного происхождения, периодической печати, делопроизводственной документации мы реконструируем взгляды двух героев исследования с точки зрения единомыслия и, с другой стороны, конфликтного аспекта столкновения государственно-областнического начал на поле претворения в жизнь идеи сибирского университета. Это позволит нам рассмотреть данный диалог в более широком историческом контексте и актуализировать проблему предпосылок взаимного отчуждения двух людей, преданных одной идее и стремившихся к одной цели.

В основе исследования лежат традиционные методы исторического исследования (сравнительно-исторический анализ, биографический метод и т.д.). Ключевое положение статьи, однако, разработано методом деконструкции предлагаемых вниманию текстов писем Н.М. Ядринцева: выделения узловых для политического мировоззрения автора элементов (понятий) и дальнейшего внедрения их в более широкий контекст эволюции взглядов одного из основателей сибирского областничества и истории общественно-политической мысли России второй половины XIX в. Это позволило нам за внешним тактом взаимоотношений Н.М. Ядринцева и В.М. Флоринского увидеть конфликтное напряжение, не прервавшееся и после смерти наших героев.

3. Обсуждение

Роль областников в деле реализации идеи первого в Сибири университета неоднократно освещалась в литературе. Эта тема рассматривалась в монографии А.М. Сагалаева и В.М. Крюкова (Сагалаев, Крюков, 1991), совместной статье И.Н. Гемуева и С.А. Гущиной (Гемуев, Гущина, 2002), работе С.В. Селиверстова (Селиверстов, 2011), исследованиях С.А. Некрылова (Некрылов, 2007; Некрылов, 2010) и совместной статье этого автора с С.Ф. Фоминых (Некрылов, Фоминых, 2011) и т.д. Университетский вопрос в контексте зарождения и эволюции сибирского областничества нашел свое отражение в работах М.В. Шиловского (Шиловский, 2007; Шиловский, 2008).

Предметом исследований и публичных обсуждений обозначенная проблема стала еще в конце XIX – начале XX вв. Так, тот же Н.М. Ядринцев посвятил первому сибирскому университету страницы своей книги «Сибирь как колония», впервые вышедшей в 1882 г. (Ядринцев, 1882). Заслуживает внимания и фельетон Г.Н. Потанина из газеты «Сибирская жизнь» (Потанин, 1906), написанный в ответ на публикацию заметок и воспоминаний В.М. Флоринского в 1906 г.

Так или иначе, сегодня мы можем признать, что если В.М. Флоринский как администратор проявил деятельное участие в открытии университета, когда вопрос этот решался во властных структурах, то областники, прежде всего Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, подготовили идейный фундамент для его окончательного решения. В 1860–1870-е гг. они посредством лекций и публицистики пропагандировали идею сибирского университета, отстаивая его статус не только как образовательного учреждения, но и научно-просветительского центра края (Некрылов, Фоминых, 2011).

В настоящей статье мы рассмотрим иной уровень: конфликт и солидарность вокруг идеи сибирского университета, с которой связывали свои оппозиционные мировоззренческие установки Н.М. Ядринцев и В.М. Флоринский.

4. Результаты

Н.М. Ядринцев, при жизни имевший репутацию «великого радетеля» и «печальника» Сибири, насколько мы можем судить, не питал иллюзий относительно внутренней жизни и нравственных устоев края. Проведя детство в Тобольске, Тюмени, Томске, узнав с того времени купеческие нравы через знакомых отца, свой опыт и наблюдения в дальнейшем он положил в основу фельетонов и статей (Шиловский, 2007: 338). Злоупотребление властью, «повсеместный грабеж народа», тотальное невежество, карты и «ярмарочные шинки», «самодурство» купцов и произвол «наезжего» чиновничества – таковы нервные узлы современной для нашего героя Сибири. Отсюда вытекает и фундаментальный принцип его просветительской деятельности: ориентация на внутренние, эндогенные ресурсы в цивилизаторском освоении макрорегиона через повышение уровня культуры и образования местного населения. Не только в создании новых школ «с частной инициативой», развитии местной сети книжных магазинов и типографий, но прежде всего в идее университета видел Н.М. Ядринцев «будущность» региона. «Пора сознать сибирскому обществу, – писал он, – что образование и цивилизация состоят не исключительно в наружном блеске, не в нарядах и рысаках, не в паркетном полотерстве, не в шампанском и игре по большой в стуколку, а в приобретении знаний, которые дает только университет!» И далее: «Пусть же сибирское общество те деньги, которое оно тратит на эти вещи, жертвует в пользу университета» (Ядринцев, 1864: 9).

Согласно воззрениям Н.М. Ядринцева, Сибирь как цивилизацию еще предстояло создать. В этом историческом творчестве приоритет он отдавал интеллектуальным силам. Идея сибирского университета, таким образом, корнями уходила в мировоззрение Ядринцева и была тесно связана с делом его жизни – областничеством. Во многом мы можем признать, что немалое значение она имела и для В.М. Флоринского. Разница, однако, фундаментальна, что нам и предстоит показать.

Для государственника и консерватора В.М. Флоринского мысль о развитии Сибири собственными средствами сама по себе представлялась утопичной. Не без иронии снисходительно называя Ядринцева «юным мечтателем», он отмечал в своих воспоминаниях: «Автору казалось, что университет – такое простое дело, что оно может быть осуществлено сибирским патриотизмом без материального содействия правительства» (Флоринский, 1875–1880: 99).

Как бы то ни было, в 1876 г. оба героя были вдохновлены предстоящим проектом. Схожим образом они отреагировали и на слух, разнесенный газетными и частными сообщениями относительно того, что под давлением Казнакова, первоначально ратовавшего за Томск и затем

изменившего свое мнение, «сибирский университет проектируется устроить в Омске». 3 августа Омская городская дума приняла решение отвести место под университет около крепости. Оно включало в себя вал, часть площади и рвы. В своем письме В.М. Флоринскому, отправленному вскоре после этого, Николай Михайлович писал: «Все убеждает, что выбор Омска – величайшая ошибка. <...> города Восточной Сибири смущены и негодуют, так что университет едва ли будет пользоваться симпатиями и популярностью и никого не привлечет – Омск хочет жить грабежом! Говорите о Томске. Непреклонно...» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Л. 100-100 об.).

Так начиналась история их борьбы за урбанистическое пространство для сибирского университета, которая дала повод В.М. Флоринскому и Н.М. Ядринцеву выступить единомышленниками. Как известно, первым университетским городом в Сибири был избран Томск. Однако этот выбор предстояло еще защитить. В 1876–1877 гг. омский чиновник Н.М. Ядринцев посвятил данному вопросу несколько рассматриваемых писем.

Из текстов его посланий складывается впечатление, будто все мрачные стороны повседневной действительности сибирских городов для Н.М. Ядринцева нашли наибольшую концентрацию в Омске. В письме от 8 июня 1877 г., не оставляя надежды увидеть университет в Томске, он спрашивал у своего корреспондента: «Есть ли надежда еще отстоять это дело или все уже пропало и Сибирский университет – погиб?» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 553 об.). В этом городе Н.М. Ядринцев провел 2 года тюрьмы в связи с делом «Общества независимости Сибири» (во второй половине 1860-х гг.). Сюда он вернулся, как уже было отмечено, в начале 1876 г.

Омск, основанный как крепость в 1716 г., располагается в степной местности. «Голая степь» и «отсутствие растительности» поражало Н.М. Ядринцева своим «унынием». Лето здесь то и дело сопровождалось засухой, зима – буранами. В первый год государственной службы в Омске Ядринцев писал Флоринскому: «В середине лета обыкновенно здесь эпидемии.<...> Как всегда громадная смертность на детей до года, почему я трепещу за своего ребенка. Доктор Соколов сообщал моему знакомому, что уберечь здесь ребенка часто невозможно. <...> Должно быть, от перемены места и от сухого степного воздуха я сам чувствовал себя чрезвычайно дурно, мучили головные боли, к этому присоединилась подавляющая тоска, навеянная унылой голой местностью и казенным характером этой станицы. Я ничего не мог делать и доходил до меланхолии...» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 541-541 об.). Ядринцев отмечал, что по прибытии он «с первого дня начал испытывать все жизненные удобства, представляемые этим городом». Упомянул он о «скверной воде», которую здесь «не берут и для чая» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Л. 99 об.).

Не большее воодушевление, судя по всему, вызывал и стержневой атрибут любого города – архитектура. Перед глазами приезжих Омск открывал «казенные постройки с убогими одноэтажными домиками». Основную постройку города составляли деревянные бараки. Даже для военной гимназии, отмечал Н.М. Ядринцев, не доставало кирпичей. Данный фактор неминуемо затрагивал другую важную проблему, связанную с квартирным вопросом, который с особой остротой встал бы в период наплыва студентов и переезда профессорско-преподавательского состава в новый университетский город. В 1876 г. даже не все местные служащие могли приобрести достойное жилье. Роскошью и элементарным удобством не отличались и дома немногочисленных купцов. Для высших военных и некоторых штабных чинов предусматривались квартиры в упомянутой крепости. Все большие квартиры в одноэтажных «неприглядного казенного фасада домах» были заняты местными чиновниками. В письме от 1 августа 1876 г. Н.М. Ядринцев отмечал: «Если бы для генерал-губернатора не был построен особенный каменный дом, ему бы не было, где занять квартиру» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 538-538 об.). С квартирной проблемой столкнулся в Омске и сам Ядринцев: сначала ему с женой и ребенком пришлось снимать жилье у смотрителя замка во «вросшем в землю домике» с «провалившимися полами», а позднее удалось отыскать три комнаты у отставного офицера. Здесь в зимнее время он отдавал свой кабинет под детскую, а сам «жил в прихожей».

Вероятно, письмо В.М. Ядринцева послужило материалом для заметки «Пригоден ли Омск для университета?» в газете «Новое время» (1876 г.). Скорее всего, не обошлось без участия В.М. Флоринского. В 1903 г. эта публикация вошла в книгу «Статьи и речи Василия Марковича Флоринского» (Флоринский, 1876). В качестве примечания заметим, что в «Новом времени» заметка была опубликована анонимно. Автор предпочел подписаться как «старый сибиряк» (Омск, 1876). При этом рассматриваемое письмо Н.М. Ядринцев завершил следующей просьбой: «Не сделаете ли извлечение для “Нового времени”?» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 547 об.). Учитывая тот факт, что В.М. Флоринский в силу ряда причин едва ли мог анонимно публиковаться в газете, а также то, что заметка из «Нового времени» местами буквально повторяет текст упомянутого письма, мы можем предположить, что в указанный сборник она вошла по ошибке.

Так или иначе, автор этой публикации посвятил свои мысли жилищным условиям в Омске для будущих профессоров университета: «Холостой профессор может еще найти какую-нибудь хижину, в две-три комнаты, у отставного солдата или чиновника; но семейный человек этим удовлетвориться не может. При здешнем климате, постройка домов так плоха, что жить в них с детьми значило бы обрекать их на верную гибель» (Флоринский, 1876).

Нашел отражение в письмах Н.М. Ядринцева и вопрос об омской инфраструктуре, в т.ч. и культурной, что для интеллектуального центра должно было иметь первостепенное значение. В Омске, впрочем, был театр, деньги на постройку которого собирали с местных купцов. Однако Ядринцев не испытывал оптимизма в этой связи: «Театр никогда не давал достаточного дохода. Многим при всем желании ходить не на что. У большинства чиновников даже главного управления ничтожное жалование по старым штатам» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 543).

Непросто было удовлетворить в Омске и более приземленные потребности. Так, в городе отсутствовали мебельные мастерские: все нуждающиеся в мебели должны были обращаться к арестантам или продавцам местной «толкучки у причала». Заказывать мебель из Петербурга было достаточно накладно, и позволить это могли себе лишь высокопоставленные чиновники. В одном из писем Н.М. Ядринцев привел данные о высоких ценах на предметы мебели, которую предлагали столяры или отъезжающие чиновники. «Чиновничеству выжидает и ищет случаев поживиться при продаже», – писал он (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 590).

Упомянул Николай Михайлович и о местном «гошпитале», открытие которого сопровождалось «обедом и пиром», «роскошью яств и елеем питий». Через полгода после этого, однако, ему потребовался ремонт. «Здания деревянные все, – делился своими наблюдениями Ядринцев, – это сараи при морозах продуваемые, полы прямо лежат на земле, сейчас же начали гнить, обнаружилась сырость. <...> Гражданская больница старая еще хуже этой» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 546 об.). В вышеупомянутой статье из «Нового времени» мы читаем: «В последнее время выстроили несколько казенных домов, а именно: женское училище, почтамт, контроль, телеграф, что уже дало повод кричать: “Город обстраивается!” На самом деле – это ничтожные постройки в виде второклассных деревянных станций по железным дорогам, выведенные по казенному образцу и выкрашенные желтой охрой» (Омск, 1876).

С точки зрения Ядринцева, трудности для будущих абитуриентов должно было вызвать и пароходное сообщение с Омском, до которого из Тюмени ходили только буксирные, но не пассажирские судна. В письме от 8 июня 1877 г. он отмечал: «К Омску никаких удобств прохода нет, и он не заменит удобного пароходного сообщения между Томском, Тобольском и Тюменью, где часто хозяева пароходов провозят учащуюся молодежь даром, так как имеют барыши от другого» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 552). Ядринцев находил, что неудобства в переезде будущих студентов из Туркестана, Перми, Оренбурга, Ташкента будут иметь роковой характер для университета. «Для кого же университет остается, для киргиз Акмолинской области?» – задавался он вопросом (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 552 об.).

Озабоченность у Н.М. Ядринцева вызывали чиновничий и военный произвол, а также сопутствующие этому нравы. «Большинство здесь, – писал он об омских чиновниках, – жило взятками и игрой» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 590 об.). Даже общественная жизнь, которой Н.М. Ядринцев как сторонник органического развития региона отводил особое место, по его словам, приняла характер «получиновничий, полусолдатский». «Омск, – подчеркивал он, – есть собрание всевозможного начальства, офицерства и чиновничества, но при отсутствии подчиненных» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 542 об.). Солдатские и казачьи слободы были раскинуты по окраинам города (т.н. центр «немногим отличался от хорошего села»). В эти окраинные лагеря был переведен городской клуб, куда «за три версты» ходили штатские чиновники, а также, как замечал Ядринцев, «дамы для господ офицеров» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 541 об.). «Гражданские чиновники, – добавлял он, – здесь в загоне и подчинены военным» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 545).

По всей видимости, «независимость» в этом городе мог позволить себе редкий государственный служащий, в то время как большинство едва находило силы противостоять влиянию среды. Пьянство местных чиновников нередко осуществлялось в долг, из-за чего буфетчик при гостинице вынужден был одно время прекратить торговлю. Ядринцев писал о том, что при предшественнике Казнакова на посту генерал-губернатора А.П. Хрущеве «гражданские чины при представлениях ставились на улицу рядом с почетным караулом». Он также отмечал: «Вошло в обязанность, что всякий принятый на службу обязан сделать особый визит генерал-губернаторше, т.е. совершить поклонение под угрозой опалы. Этот местный этикет, который обязан был исполнить и я. Мне сказали, что это я должен сделать во избежание неприятностей, и я являлся к Madame K. как к начальнику. <...> Я вез жену не для лакейства, не для холуйства. В такие условия станут, конечно, и будущие господа профессора в Омске с их семьями. Иначе сплетни, гонения и неприятности по службе» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 544 об.). Эти факты заставили Ядринцева усомниться в том, что близость к «генерал-губернатору» создаст для университета «спокойствие».

Заслуживают внимания в этом контексте характеристики двух омских чиновников, которым в Петербурге предстояло ратовать за университетский выбор в пользу Омска. В письме 1877 г. Ядринцев следующим образом описывал главного инспектора училищ Западной Сибири, действительного статского советника А.П. Дзюбу: «Выдержанный и хитрый иезуит, тихий и скрытый, вероятно, он будет сдержан в комиссии. В последнее время он уверял многих, что он в сущности не убежден в преимуществах Омска, но должен защищать, ибо желает этого начальство». Менее милосердным было

его описание вице-губернатора Акмолинской области М.Н. Курбановского. Хотя Ядринцев признал за ним исполнительность, остроумие и красноречие («говорун»), однако, по его мнению, этот чиновник отразил в себе типические черты своей корпорации: «Жизнь в Сибири и особенно в чиновной среде при Хрущеве обработали его до потери человеческого образа. Он беспрестанно пил, играл в карты, был бит в Тобольске по физиономии, управляемая им часть известна своим взяточничеством ныне. Чтобы отличаться и достигнуть своей цели он не пощадит ничего, наглость и лганье, продажность составляют главную его черту» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 563).

«Гоголевская панорама» Омска получила свое завершающее обрамление в криминальном аспекте. По статистике за 1875 г., приведенной Ядринцевым в письме Флоринскому от 8 июня 1877 г., в Акмолинской губернии на 558 жителей приходилось одно преступление. По этому параметру данный регион был на первом месте в сравнении с Тобольской и Томской губерниями, Семипалатинской областью (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 551). С позиции идеолога областничества данное обстоятельство опровергло аргумент о том, что Омск, в котором ссылка была остановлена с 1868 г., представлял собой более безопасное место в сравнении с Томском, и в 1870-х гг. сохранявшим статус одного из центров сибирской ссылки.

Для того чтобы прояснить этот вопрос, который, разумеется, в дальнейшем встал при принятии решения о выборе университетского города, Ядринцев в своих посланиях к Флоринскому апеллировал к общей преступной обстановке, которая, по всей видимости, сопутствовала депрессивной повседневности Омска. Ссылынные располагались в поселениях непосредственной близости от города. Являться в столицу Акмолинской губернии им не запрещалось, чем, вероятно, многие не преминули воспользоваться (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 562). Упомянул Ядринцев, к примеру, о «разбойничьей лютеранской колонии латышей» в Еланской волости (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 550 об.). Не оставил он своим вниманием и квартал Кучугур: здесь собирались городские бездомные. Мы уже отмечали, что окраина была разделена на кварталы и слободы. Ядринцев подчеркивал, что на пустырях между ними происходили «нападения и грабежи солдатами местных батальонов, ссылынными, выпускаемыми из острогов, и бродягами» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 538 об.). Негативно отозвался он и о работе омской полиции: «Нет возможности водворить какую-нибудь безопасность. Если в Томске иногда совершают преступления ссылынные, то в Омске к этому присоединяются еще солдаты и разный пролетариат, не имеющий средств и занятий в казенном городе». В письме от 1 августа 1876 г. Ядринцев писал: «Несколько дней назад здесь убиты два семейства» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 539).

Мы не ошибемся, если скажем, что реализации всякого масштабного дела должно предшествовать проектирование интеллектуальное, связанное и с духовным наполнением абстрактной идеи. Не иначе как банальным будет выглядеть и утверждение, согласно которому лишь подготовленная почва дает всходы. Быть может, именно в неблагоприятном урбанистическом аспекте Н.М. Ядринцев видел возможный конец той идеи, которая только готовилась к реализации.

Николай Михайлович в своих письмах не только дал развернутую характеристику климатического, архитектурного, инфраструктурного, криминогенного состояния Омска, но и облек это место в ряд образных конструкций: «город между двумя стульями», «ловушка», «центр без органов, голова без туловища». «Вы видите, – писал он Флоринскому, – в какую лужу и в какое гнездо может попасть сибирский университет» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 547).

В упомянутой заметке из «Нового времени» также прогнозировались не лучшие времена для университета в связи с материальными условиями и нравственной атмосферой Омска, где «человек науки цениться не может» (Омск, 1876). Выбор в пользу Томска здесь преподносился как более выигрышный. Кем бы ни был автор этого «призрачного» материала, мы не ошибемся, если хотя бы отчасти припишем представленные в нем мнения В.М. Флоринскому. Хотя в своих воспоминаниях последний указывал, что, принимая Ядринцева «за человека увлекающегося и склонного к пессимизму», усмотрел в его характеристике Омска «слишком густые тени», тем не менее письмо произвело на него «тяжелое впечатление». «Что это за будущий университетский город, – писал В.М. Флоринский, – в котором открыто грабят на улицах среди белого дня, где почти невозможно найти порядочную квартиру или приобрести мебель, где цех мастеровых сосредотачивается только в руках арестантов, одним словом, где нет самых элементарных условий городской культурной жизни. Сам я не был в Омске и не могу судить о нем по личным впечатлениям, но отовсюду слышу, что это не столько город, сколько военная ставка» (Флоринский, 1875–1880: 43-44).

В конце 1877 г. в ходе нескольких заседаний Высочайше учрежденной Комиссии для обсуждения вопроса об избрании города для сибирского университета В.М. Флоринский высказал свои соображения по этому вопросу, затронув, в частности, и то, что было предметом писем Н.М. Ядринцева. В результате, принимая во внимание географическое положение, климатические и экономические условия, мнения сибирских городов и ряд других факторов, «комиссия пришла к заключению, что учреждаемый сибирский университет целесообразнее и полезнее для края открыть в г. Томске» (Труды, 1878: 157).

Н.М. Ядринцев, пребывая в экспедиции на Алтае, не отметил своим присутствием торжество закладки Императорского Томского университета 26 августа 1880 г. Свои сожаления об этом в

октябре того же года он выразил в письме Флоринскому (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Л. 156). Их солидарность во многом сохранялась.

Научные поиски Н.М. Ядринцева в ходе алтайской экспедиции предвосхищали предстоящие научные интересы профессоров Томского университета. В письме из Улалы (Бийский округ) от 4 июля 1880 г. он отмечал, что цели его связаны с тем, чтобы «принести в конце жизни что-нибудь ценное в дар сибирскому университету». Так, из текста его письма мы видим, что Николай Михайлович занимался составлением карты исторического распространения русского населения по Сибири, исследовал колонизационное движение и сибирские земледельческие общины, изучал геологию Салаира и обмеление оз. Чаны, ледники на р. Катунь и пещеры в Улале и т.д. «Собираемые мной коллекции, – писал он Флоринскому, – конечно, составят достояние музеев университета, если пригодятся». Кроме того, в ходе своих поездок он старался заинтересовать местных жителей в пожертвованиях для университета, в частности «уговорил в Салаире одно лицо пожертвовать большую коллекцию отгисков растений каменноугольной формации, окаменелостей раковин, а также коллекцию степных жетонов» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Л. 156 об.).

В это время Н.М. Ядринцев планировал составить два альбома для университета: археологический и этнографический. Антропология входила в сферу его научных интересов и касалась не только академических замыслов, но и общественных воззрений, что нам еще предстоит затронуть отдельно. В Барнаульском округе Ядринцев проводил биометрические наблюдения инородцев, рассматривал вопросы «метисации и помесей». «То и другое имеет важные этнологические и исторические последствия», – отмечал он в письме от 4 июля 1880 г. Изучал он и палеоантропологию, обнаружив близ Улалы остатки человеческого скелета и т.д.

Заметим, что исследования Ядринцева, по всей видимости, позднее в некоторой степени нашли отклик у его корреспондента. Так, в пояснительной записке по проекту устава сибирского университета от 22 сентября 1884 г. В.М. Флоринский предлагал на планировавшемся тогда историко-филологическом факультете (в конечном итоге Императорский Томский университет в 1888 г. открылся в составе одного медицинского факультета) учредить кафедру археологии и антропологии, «несмотря на то, что этот предмет до сих пор не включался в русских университетах (кроме Московского) в число факультетских». «Разработка этого предмета в сибирском университете, – отмечал он далее, – имела бы весьма благоприятную почву по обилию и разнообразию в Сибири инородческих племен и их помесей, а равно по многочисленности антропологического материала в курганах и других древних могилах» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-216. Л. 149).

Не трудно предположить, что один из основателей сибирского областничества связывал с Томским университетом будущее не только региона, но и свое собственное. Уже после закладки университета он писал Флоринскому: «Пора и мне подумать принести чем-нибудь свою пользу...». Для этого он реанимировал свою «мечту создать научно-литературный орган в Томске». «Моя мысль, – читаем мы далее, – посвятить издание исследованию Сибири по географии, этнографии, истории, археологии и статистике Сибири. Здесь могут стекаться все научные силы и вместе с тем это издание должно быть удобочитаемым и занимательным для публики, без чего оно, конечно, может оставаться изданием архивным. <...> Обстоятельствам угодно было подвинуть осуществление этого дела. Иркутские издатели, оканчивая дело с газетой “Сибирь”, по неблагоприятному отношению к ним в Иркутске, решились передать мне вполне со всеми наличными средствами» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Л. 157 об.-158).

Обстоятельства все же сложились по-другому. В 1881 г. Н.М. Ядринцев оставил омскую службу и перебрался в Петербург, не найдя, как отмечал он сам, «себе места в Сибири». В.М. Флоринский холодно отнесся к «предприятию» популярного периодического издания, найдя его «преждевременным и едва ли посильным» (Флоринский, 1875–1880: 102).

В следующем году в столице начала издаваться созданная по инициативе Н.М. Ядринцева и при содействии П.П. Семенова-Тян-Шанского газета «Восточное обозрение». Ранее в очередном своем письме Флоринскому, написанном из села близ Пронска Рязанской губернии 19 мая 1881 г., Ядринцев признавался, что «сам теперь более равнодушен» к мысли о сибирском журнале «ввиду тех недоразумений и борьбы, которые происходят теперь на томской почве с находящейся печатью». В то же время заметно разочарование в его словах: «Соответственно моему призванию и наклонностям в Томске для меня места не находится. Буду разрабатывать свои собственные материалы и ожидать случая, чтобы явиться в Сибирь в качестве хотя исследователя и путешественника» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-811. Л. 2).

Между тем в Томске началось строительство университета, затянувшееся на несколько лет. Деятельность Флоринского в должности члена Строительного комитета от Министерства народного просвещения не вызывала поддержки в сибирской печати. Так, в 1885 г. газета «Сибирь», опубликовав слухи о том, что штат служащих Строительного комитета «предполагается сократить» и, со ссылкой на частную телеграмму из Томска, что «г. Флоринский будет назначен на другой пост, а не попечителем учебного округа», сделала в соответствующей заметке следующую приписку: «Дай-то Бог!» (Флоринский, 1885).

Вот как вспоминал В.М. Флоринский о газете Ядринцева «Восточное обозрение»: «Нельзя сказать, чтобы в этом народившемся органе наш Строительный комитет пользовался особым расположением. Напротив того, томские сотрудники его и корреспонденты, настроенные на известный отрицательный лад, старались во всем находить темные стороны.<...> Я до сих пор не понимаю такого озлобленного направления нашей мелкой прессы: порицать все, что выходит не из их лагеря». И далее: «Даже при самом открытии университета в 1888 году редакция “Восточного обозрения” (к этому времени переселившаяся в Иркутск) приветствовала это радостное событие сдержанно и холодно, точно разочаровавшись в своих надеждах» (Флоринский, 1875–1880: 102, 103).

Мы привели отрывок из воспоминаний Флоринского, которые были опубликованы в журнале «Русская старина» в 1906 г., т.е. уже после смерти автора. Своим фельетоном в «Сибирской жизни» откликнулся на них многолетний соратник и единомышленник Ядринцева Г.Н. Потанин. «Если человек, – отмечал последний, – пишет свои воспоминания для потомства и если он питает благоговение к этому потомству, то это благоговение заставит умолкнуть низкие страстишки, руководившие поведением автора в течение жизни, сделает единственным советником в труде его совесть и поможет написать искреннюю исповедь, а не лукавое самооправдание. Записки Флоринского не дают повода думать, чтобы их автору был присущ этот пиетет» (Потанин, 1906).

Постараемся найти истоки данного «противоречия единомыслия», обратившись к корпусу опорных понятий, которыми оперировали Флоринский как государственник и Ядринцев как областник. Сравнительный анализ их понятийного аппарата позволит нам определить не только предпосылки антагонизма двух героев статьи, но и ряд особенностей политико-идентичностного словоупотребления рассматриваемой эпохи.

В своих письмах Н.М. Ядринцев нередко обращался к таким категориям, как «патриотизм», «страна», «родина», «общественное мнение», «народ». Так, например, в 1880 г. он характеризовал процедуру закладки университета в Томске как «патриотическое торжество» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Л. 156). В письме Флоринскому от 22 октября того же года мы читаем: «Теперь, когда идут деятельные приготовления в Томске к созданию учреждения, около которого будет группироваться жизнь страны, пора и мне <...> найти себе солидный труд на пользу нашей родины».

На первый взгляд может показаться, что и здесь можно обнаружить точки пересечения его мировоззренческих установок с В.М. Флоринским. Заметим, что в бытность наших героев распространенной была практика употребления слова «страна» по отношению к Сибири. В речи, произнесенной 22 июля 1888 г. при открытии Томского университета, В.М. Флоринский, между прочим, замечал: «Сибирь, более чем какая-либо другая страна, может дать пищу ученой любознательности» (Флоринский, 1888: 269). В своем дневнике за 1881 г. в не интересующем нас в данный момент контексте он писал: «<...> Иноверцы, будучи рассеяны по всем городам России и Сибири...» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-104. Л. 20). Отметим, что все-таки чаще в противовес Сибири в его дневниках мы встречаем обозначение «Европейская Россия».

Любопытна и семантика «родины» в частных дискурсивных практиках В.М. Флоринского. Описывая свою поездку на пароходе через Сибирь в 1892 г., он упомянул в дневнике о «подписке в пользу жены умершего от холеры пассажира», которая предполагала «из Томска вернуться обратно на родину» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. №. 117959-109. Л. 42). Впрочем, употреблял Василий Маркович слова «Россия» и «родина» и в расширительном смысле – как понятия, близкие к «отечеству» (т.е. неотделимо от восточных провинций империи), а к «Сибири» при этом нередко добавлял прилагательное «верноподданная». В 1881 г. он оставил следующую дневниковую запись: «<...> Я заснул под звуки шумных речей, доносившихся из рубки, и первых паровозных свистков, приглашавших запоздалую публику занять свои места. Как бы хорошо было, думалось в последние минуты, увидеть, хотя бы во сне, мою дорогую родину, в том числе и неуклюжую Сибирь, в том светлом и чистом национальном образе, как она рисуется мне в будущем, близком или далеком – это все равно» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-104. Л. 64).

Воздержимся от суждений о недостаточной продуманности понятийного мышления В.М. Флоринского, национально-политическое мировоззрение которого имело весьма определенные очертания. Его государственнические, консервативные стремления нашли отражение и в цитируемой выше речи на открытии университета – событии, которое он недвусмысленно связывал с «Всемиловейшим повелением Государя Императора», «державною волей» Александра II и Александра III, с «возрождением духовных сил нашего отечества», с «верной службой русскому государству» на «восточной окраине России». В.М. Флоринский произнес в тот день и такие слова о Томском университете: «Пусть откроет он в недрах народной жизни источники новых деятельных сил и докажет потомству, что при помощи света, правды, разума можно превратить страну ссылки, скорби и запустения в благоустроенную, равноправную и равносильную с остальными русскими областями, нераздельную часть великого Российского государства» (Флоринский, 1888: 265-266).

Не чужд был Василий Маркович и традиционной для радикальных русских патриотов нетерпимости к либерализму, который он сравнивал с «миражем» и в котором находил «некоторую долю благих порывов и добрых начинаний, но еще больше детского самонадеянного увлечения»

(НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-104. Л. 19). Как известно, сибирское областничество зарождалось в 1850-е гг. как революционно-демократическое движение, а в следующие десятилетия развития это течение сочетало в себе элементы, как отмечал М.В. Шиловский, «либерального народничества со значительными вкраплениями просветительства» (Шиловский, 2008: 95).

Если В.М. Флоринский мог позволить себе редкое употребление слова «родина» по отношению исключительно к Европейской России, то Н.М. Ядринцев, напротив, связывал это понятие с сибирским регионом. Так, в «Письмах о родине», опубликованных в «Восточном обозрении» в 1884 г., рассуждая об отчужденности людей Сибири от родного края, он писал: «Было время, когда сибиряки тупо оставляли родину, никогда не вспоминали о ней на чужбине и никогда с охотой не возвращались из университетов. <...> Может быть, под обаянием иной жизни, среди блеска и шума столиц и университетских городов и мы забыли бы нашу родину, если бы не вырастили это чувство под лучами пробуждающегося гражданского сознания, не сохранили заботливо среди всех прелестей и обольщений больших городов» (Ядринцев, 1884: 65). Излишни комментарии по поводу того, что в мышлении автора цитаты представляла собой «родина» и что было для него «чужбиной».

Подчеркнем, что освященный выше антропологический интерес Ядринцева также был связан с его областническими стремлениями. Ядринцев одно время был сторонником формирования на Востоке «нового этнографического типа», представители которого «смотрят на русского переселенца как на совершенно чужого ему человека» (цит. по: Шиловский, 2008: 80).

Вместе с тем Н.М. Ядринцев, особенно в первых письмах к Флоринскому, не был столь категоричен, более компромиссно используя рассматриваемые понятия, в частности в приведенных выше цитатах, что оставляло их, в рамках отдельных писем, открытыми для интерпретации. Так, «патриотическое торжество» может быть истолковано расширительно при игнорировании эволюции взглядов Ядринцева. Осторожности представителей областничества научили репрессии, которые некоторые из них пережили в 1860-е гг. К примеру, изначально свое издание Н.М. Ядринцев планировал назвать «Сибирское обозрение», но, по воспоминаниям Г.Н. Потанина, П.П. Семенов-Тянь-Шанский «придумал более скромное название “Восточное обозрение”», чтобы избежать обвинений в сепаратизме и раздражения чиновников (цит. по.: Шиловский, 2007: 351).

По всей вероятности, до определенных пор мог поддаваться ложному восприятию писем Ядринцева и его адресат. Нет оснований не верить воспоминаниям В.М. Флоринского, в которых он писал, что в 1875 г. при своей первой встрече с Ядринцевым был мало осведомлен о политических позициях последнего.

Однако в дальнейшем, ознакомившись с текстами лекций и публицистикой Ядринцева, в том числе с речью о необходимости сибирского университета, с которой он выступил в декабре 1863 г. на литературном вечере в Омске, Флоринский составил более определенное мнение относительно политического портрета своего корреспондента: «Под выражениями: своя земля, наша земля, свой народ – здесь разумелось не общее русское отечество, а именно Сибирь, которую г. Ядринцев, вследствие юношеского увлечения или непонимания, представлял чем-то отдельным от России, государством в государстве» (Флоринский, 1875–1880: 98).

Совокупность этих противоречий в конечном итоге вылилась в откровенную антипатию, по крайней мере со стороны В.М. Флоринского. И активировалась она прежде всего в связи с идеей сибирского университета. Флоринский писал о Н.М. Ядринцеве: «Вспомним его узкий сибирский патриотизм, его юношеские фантазии о взаимных отношениях между Россией и Сибирью, и мы поймем, что в его воображении рисовался сибирский университет не как русское государственное учреждение, а как народное и притом специально сибирское дело» (Флоринский, 1875–1880: 104).

В письмах 1877 г. Ядринцев более смело ссылаясь на «общественное мнение Сибири», а также подчеркивал, что Дзюба и Курбановский – «оба не сибиряки». Последний фактор, по мысли автора, лишал их права участвовать в принятии судьбоносных для региона (читай: страны) решений (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 564). В письме 1881 г. Ядринцев сетовал на отсутствие в деле развития будущего университета «просвещенного инициатора, деятеля и патриота». Ниже он раскрывает значение последнего слова, прямо указывая на необходимость «патриотов края» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-811. Л. 2 об.).

Обратим внимание на следующий аспект: семантическое смешение в понятиях из политической картины мира Н.М. Ядринцева парадоксальным образом зеркально отразило его собственные убеждения. Ведь патриотизм из областнического словаря, в сущности, не противоречил революционности в широком смысле этого слова. Тем не менее, именно угроза революционаризации студенческой молодежи избирается им в очередном послании В.М. Флоринскому как довод против выбора Омска. Тем самым он в своем роде «разоблачил» самого себя и сделал мишенью для критики собственное прошлое. Ядринцев писал: «<...> При недостатках местной администрации развитие революционных идей всего можно скорее [ожидать] в Омске, чем где-либо. Здесь есть поводы для увлечений, для разжигания неудовольствий, критики и столкновений. Сибирский сепаратизм в 1865 году вышел из Омска и развился на его почве. Это не мешает припомнить отчего? Не мешает размыслить» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-823. Л. 545 об.).

Своеобразное значение в свете вышесказанного приобретает содержание последнего письма Н.М. Ядринцева к В.М. Флоринскому (от 29 октября 1882 г.). В нем автор просил Флоринского «сказать доброе слово за газету» «вступить» за него «как редактора», а также выразил надежду на рекомендацию для того, чтобы обратиться к в то время министру внутренних дел Д.А. Толстому, которому собирался сказать о своем «искреннем стремлении служить родине» (НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 822. Л. 280-280 об.). Как уже было сказано, Флоринский отказался отвечать на это письмо.

Свою роль в отдалении двух сторонников идеи сибирского университета сыграла и разность в их социальных статусах. В жестко иерархизированном обществе дореволюционной России орденосеца В.М. Флоринский, который к 1892 г. выслужил себе чин тайного советника, едва ли мог чувствовать себя равным с мелким чиновником Н.М. Ядринцевым. Заметим, что последний, несмотря на годы своей службы, не получил даже низшего чина по «Табели о рангах» (Шиловский, 2007: 347). Вместе с тем в письмах заметно его стремление участвовать в деле университета на самом высоком уровне. Так, он проявлял готовность выступить «перед правительством», рекомендовал «знакомого казака Нестерова» Флоринскому, «благословлял» последнего «на труд» и «защиту честного дела для Сибири», указывал, какие документы «должны быть в Министерстве народного просвещения» и т.д. Флоринский при этом подчеркивал, что Ядринцев «не пользовался в глазах правительства достаточным цензом». Причиной тому, с точки зрения Флоринского, был не только социальный статус, но и «прошлая репутация» областника (Флоринский, 1875–1880: 100).

Понятийная трансгрессия в дискурсах Н.М. Ядринцева и В.М. Флоринского, таким образом, освещает для нас линию разлома, который прошел между приверженцами идеи сибирского университета в 1870–1880-е гг. Антагонизм в их отношениях лишь отчасти основан на частных и социальных аспектах. Его начало связано с противоречием в фундаментальном политическом мировосприятии. Апеллируя к одним и тем же понятиям, каждый из них наделял их индивидуальной семантикой, которая, в свою очередь, была слепком с двух направлений общественно-политической мысли России второй половины XIX – начала XX вв.: государственнического, консервативно-охранительного, с одной стороны, и областнического – с другой. Так оказались разделены корневые понятия национального самосознания: «родина», «патриотизм», «страна», «народ» и т.д.

5. Заключение

Семантическая неопределенность в национально-идентичностном словаре двух героев исследования отразила в себе сложившийся конфликт ценностей и интересов вокруг главного события в истории Сибири последней четверти XIX в. – создания первого в этом регионе университета в г. Томске, положившего начало научно-просветительскому центру. Опыт монополизации идеи сибирского университета с опорой на трансгрессивные категории (что разделило ее, в частности, между двумя «патриотизмами») в конце концов стал триггером противоречия двух людей (шире: двух течений), объединенных одной целью. Конфликтный аспект не исчерпал себя и после смерти героев: как Н.М. Ядринцева, так и В.М. Флоринского.

В рассмотренном фельетоне 1906 г. Г.Н. Потанин писал: «Я помню, что сами сибирские патриоты, горячо высказываясь за открытие университета, в глубине души сомневались, чтобы их доводы в пользу своевременности предприятия могли убедить высшую административную власть. Такой реалист в общественной деятельности, как Флоринский, и по давню должен был смотреть на сибирский университет, как на химеру. <...> Этот пессимист в сторону общества нашел возможным в своих записках уверять это общество, будто бы он питал к сибирскому университету, как к своему детищу, какие-то нежные чувства. <...> Как способны люди заблуждаться! Впрочем, это их счастье. Если бы не заблуждения, их жизнь стала бы ад» (Потанин, 1906).

Имеет правомерность вопрос о том, каким иллюзиям и заблуждениям был подвержен сам Г.Н. Потанин и другие представители сибирского областничества. Впрочем, оставим его открытым и отметим главное: рассмотренная история является не первым подтверждением того, что именно абстрактные и «химерические» идеи становятся фундаментом исторического прогресса.

Как мы убедились, общность идейной химеры нередко базируется на иллюзии единства ценностей: лексически совпадающих, но семантически гетерогенных. По этой причине «ментальное» пространство сибирского университета не могло вместить обе стороны конфликта, что определило путь отчуждения представителей сибирского областничества, в частности Н.М. Ядринцева, от жизни Императорского Томского университета.

6. Благодарности

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6

Литература

Гемуев, Гущина, 2002 – Гемуев И.Н., Гущина С.А. Ученые-сибиреведы и первый сибирский университет // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных

территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. IX., часть II. С. 42-46.

Лемке, 1904 – Лемке М. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк (к десятилетию со дня кончины). СПб.: Типо-литография «Герольд», 1904. 219 с.

Некрылов, 2007 – Некрылов С.А. Областники и первый сибирский университет // *Вестник Том. гос. ун-та*. 2007. № 295. С. 141-148.

Некрылов, 2010 – Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.

Некрылов, Фоминых, 2011 – Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Лидеры сибирского областничества и первый университет в азиатской части России // *Вестник Том. гос. ун-та. История*. 2011, № 2 (14). С. 9-14.

НМРТ – Национальный музей Республики Татарстан.

Омск, 1876 – Пригоден ли Омск для университета? // *Новое время. Ежедневная политическая и литературная газета*. 1876. 2 (14) сент.

Потанин, 1906 – Потанин Г.Н. Фельетон: «Заметки и воспоминания В.М. Флоринского» // *Сибирская жизнь*. 1906. 29 окт.; 1 нояб.; 2 нояб.

Сагалаев, Крюков, 1991 – Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1991. 231 с.

Селиверстов, 2011 – Селиверстов С.В. Миссия «образованных туземцев»: Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин на страницах «Томских губернских ведомостей» (середина 1860-х гг.) // *Вестник Том. гос. ун-та. История*. 2011, № 2 (14). С. 67-70.

Труды, 1878 – Труды комиссии, учрежденной по высочайшему повелению для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1878. 158 с.

Университет, 1885 – Заметка о ходе строительства сибирского университета // *Сибирь*. 1885. 23 июня.

Флоринский, 1875–1880 – Флоринский В.М. Заметки и воспоминания. 1875–1880 // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 13-229.

Флоринский, 1876 – Флоринский В.М. Пригоден ли Омск для университета? // Статьи и речи Василия Марковича Флоринского: с портретом и факсимиле / Изд. по смерти авт. М.Л. Флоринской. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. С. 90-96.

Флоринский, 1880 – Речь, произнесенная 26 августа 1880 г. в г. Томске при закладке Сибирского университета // Флоринский В.М. Статьи и речи Василия Марковича Флоринского: с портретом и факсимиле / Изд. по смерти авт. М.Л. Флоринской. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. С. 246-262.

Флоринский, 1888 – Речь, произнесенная при открытии Императорского Томского университета 22 июля 1888 г. // Флоринский В.М. Статьи и речи Василия Марковича Флоринского: с портретом и факсимиле / Изд. по смерти авт. М.Л. Флоринской. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. С. 263-269.

Шиловский, 2007 – Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 376.

Шиловский, 2008 – Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. 270 с.

Ядринцев, 1864 – Ядринцев Н.М. Общественная жизнь в Сибири (лекция, прочитанная 11 нояб. 1864 г. на литературном вечере в Омске) // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов: из газ. «Камско-Волж. слово», «Сибирь» и «Восточное обозр.» за 1873–1884 г. / Н.М. Ядринцев. Красноярск: Типография Енисейского губернского союза кооперативов, 1919. С. 6-9.

Ядринцев, 1882 – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

Ядринцев, 1884 – Ядринцев Н.М. Письма о родине (из «Восточного обозрения» за 1884 г.) // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов: из газ. «Камско-Волж. слово», «Сибирь» и «Восточное обозр.» за 1873–1884 г. / Н.М. Ядринцев. Красноярск: Типография Енисейского губернского союза кооперативов, 1919. С. 64-68.

References

Gemuyev, Gushchina, 2002 – Gemuyev I.N., Gushchina S.A. (2002). Uchenyye-sibirevedy i pervyy sibirskij universitet [Siberian researchers and the first Siberian University]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij (Materialy Godovoj sessii Instituta arheologii i etnografii SO RAN 2002 g.)*. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, T. IX., chast' II. pp. 42-46. [in Russian]

Lemke, 1904 – Lemke M. (1904). Nikolaj Mihajlovich Yadrinsev. Biograficheskiy ocherk (k desyatiletiju so dnya konchiny) [N.M. Yadrinsev. Biographical essay]. SPb: Tipo-litografiya «Gerol'd», 219 p. [in Russian]

- Nekrylov, 2007** – *Nekrylov S.A.* (2007). Oblastniki i pervyj sibirskij universitet [Siberian regionalists and the first siberian university]. *Vestnik Tom. gos. un-ta.* № 295. pp. 141-148. [in Russian]
- Nekrylov, 2010** – *Nekrylov S.A.* (2010). Tomskij universitet – pervyj nauchnyj tsentr v aziatskoj chasti Rossii (seredina 1870-h gg. – 1919 g.) [Tomsk University – the first scientific center in the Asian part of Russia (mid. 1870s – 1919)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, T. 1. 514 p. [in Russian]
- Nekrylov, Fominyh, 2011** – *Nekrylov S.A., Fominyh S.F.* (2011). Lidery sibirskogo oblastnichestva i pervyj universitet v aziatskoj chasti Rossii [Leaders of Siberian regionalism and the first university in the asian part of Russia]. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Istorija.* № 2(14). Pp. 9-14 [in Russian]
- NMRT** – Natsional'nyj muzej Respubliki Tatarstan [The National Museum of the Republic of Tatarstan].
- Omsk, 1876** – Prigoden li Omsk dlya universiteta? [Is Omsk suitable for University?]. *Novoye vremya. Yezhednevnyaya politicheskaya i literaturnaya gazeta.* 1876. 2(14) sent. [in Russian]
- Potantin, 1906** – *Potantin G.N.* (1906). Fel'yeton: «Zametki i vospominaniya V.M. Florinskogo» [Feuilleton: "Notes and memories of V.M. Florinskij"]. *Sibirskaya zhizn'.* 29 okt.; 1 noyab.; 2 noyab. [in Russian]
- Sagalayev, Kryukov, 1991** – *Sagalayev A.M., Kryukov V.M.* (1991). G.N. Potanin: Opyt osmysleniya lichnosti [G.N. Potanin: Personal research experience]. Novosibirsk : Nauka. Sib. Otd-niye, 231 p. [in Russian]
- Seliverstov, 2011** – *Seliverstov S.V.* (2011). Missiya «obrazovannyh tuzemtsev»: N.M. Yadrintsev i G.N. Potanin na stranitsah «Tomskih gubernskih vedomostej» (seredina 1860-h gg.) [Mission of "educated natives": N. M. Yadrintsev and G. N. Potanin in the "Tomsk provincial sheets" (mid. 1860s.)]. *Vestnik tom. gos. un-ta. Istorija.* № 2(14). pp. 67-70. [in Russian]
- Trudy, 1878** – Trudy komissii, uchrezhdennoj po vysochajshemu poveleniyu dlya izucheniya voprosa ob izbranii goroda dlya Sibirskogo universiteta [Proceedings of the Commission established by the highest order to study the election of the city for the Siberian University]. SPb : Tipografiya V.S. Balasheva, 1878. 158 p. [in Russian]
- Universitet, 1885** – Zametka o hode stroitel'stva sibirskogo universiteta [A note on the construction of the Siberian University]. *Sibir'.* 1885. 23 iyunya. [in Russian]
- Florinskij, 1875–1880** – *Florinskij V.M.* (1875-1880). Zametki i vospominaniya. 1875–1880 [Notes and memories. 1875–1880]. Imperatorskij Tomskij universitet v vospominaniyah sovremennikov. Sost. S.F. Fominyh (otv. redaktor), S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskij i dr. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2014. pp. 13-229. [in Russian]
- Florinskij, 1876** – *Florinskij V.M.* (1876). Prigoden li Omsk dlya universiteta? [Is Omsk suitable for University?]. Stat'i i rechi Vasiliya Markovicha Florinskogo : s portretom i faksimile / izd. po smerti avt. M.L. Florinskoj. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1903. pp. 90-96. [in Russian]
- Florinskij, 1880** – Rech', proiznesennaya 26 avgusta 1880 g. v g. Tomske pri zakladke Sibirskogo universiteta [Speech delivered on August 26, 1880 in Tomsk at the laying of the Siberian University]. Florinskij V.M. Stat'i i rechi Vasiliya Markovicha Florinskogo : s portretom i facsimile. Izd. po smerti avt. M.L. Florinskoj. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1903. pp. 246-262. [in Russian]
- Florinskij, 1888** – Rech', proiznesennaya pri otkrytii Imperatorskogo Tomskogo universiteta 22 iyulya 1888 g. [Speech delivered at the opening of the Imperial Tomsk University on July 22, 1888]. Florinskij V.M. Stat'i i rechi Vasiliya Markovicha Florinskogo : s portretom i facsimile. Izd. po smerti avt. M. L. Florinskoj. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1903. pp. 263-269. [in Russian]
- Shilovskij, 2007** – *Shilovskij M.V.* (2007). Sud'by, svyazannyye s Sibir'yu: Biograficheskiye ocherki [Destinies connected with Siberia: Biographical essays]. Novosibirsk: «Sova», 376 p. [in Russian]
- Shilovskij, 2008** – *Shilovskij M.V.* (2008). Sibirskoye oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroj polovine XIX– pervoj chetverti XX v. [Siberian Oblastnichestvo in social and political life of the region in the second half of XIX – first quarter of XX centuries]. Novosibirsk: «Sova», 270 p. [in Russian]
- Yadrintsev, 1864** – *Yadrintsev N.M.* (1864). Obshchestvennaya zhizn' v Sibiri (lektsiya, pročitannaya 11 noyab. 1864 g. na literaturnom vechere v Omske) [Public life in Siberia (lecture, read 11 Nov. 1864 at the literary evening in Omsk)]. Sbornik izbrannyh statej, stihotvorenij i fel'yetonov : iz gaz. «Kamsko-Volzh. Slovo», «Sibir'» i «Vostochnoye Obozr.» za 1873-1884 g. N. M. Yadrintsev. Krasnoyarsk: Tipografiya Yenisejskogo Gubernskogo Soyuzha Kooperativov, 1919. pp. 6-9. [in Russian]
- Yadrintsev, 1882** – *Yadrintsev N.M.* (1882). Sibir' kak koloniya : Sovremennoye polozheniye Sibiri. Yeye nuzhdy i potrebnosti. Yeye proshloye i budushcheye [Siberia as a colony: the present situation of Siberia. Needs. Past and future]. SPb : Tipografiya M. Stasyulevicha, 471 p. [in Russian]
- Yadrintsev, 1884** – *Yadrintsev N.M.* (1884). Pis'ma o rodine (iz «Vostochnogo obozreniya» za 1884 g.) [The letters about Fatherland (from "Eastern review" for 1884)]. Sbornik izbrannyh statej, stihotvorenij i fel'yetonov: iz gaz. «Kamsko-Volzh. Slovo», «Sibir'» i «Vostochnoye Obozr.» za 1873–1884 g. N.M. Yadrintsev. Krasnoyarsk : Tipografiya Yenisejskogo Gubernskogo Soyuzha Kooperativov, 1919. pp. 64-68. [in Russian]

Идея сибирского университета и областничество в письмах Н.М. Ядринцева к В.М. Флоринскому (1876–1882 гг.)

Сергей Федорович Фоминых ^{а,*}, Алексей Олегович Степнов ^а, Ольга Васильевна Натолочная ^{б,с}

^а Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

^б Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^с Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются письма одного из основателей сибирского областничества Н.М. Ядринцева к В.М. Флоринскому (известному в качестве устроителя Томского университета), написанные в период с 1876 по 1882 гг. В это время решался вопрос о выборе города для первого сибирского университета. В 1876 г. Омская городская дума предложила свой город в качестве университетского. Н.М. Ядринцев, который в указанный период служил чиновником в Омске, в нескольких своих письмах представил мрачную панораму климатического, архитектурного, инфраструктурного, криминогенного состояния этого города.

В вопросе о выборе Томска как города для первого университета в макрорегионе и в общей приверженности идее сибирского университета Н.М. Ядринцев и В.М. Флоринский выступили как единомышленники. В то же время в воспоминаниях последнего мы встречаем не самые лестные мнения о своем корреспонденте.

На основе исследования делопроизводственной документации, источников личного происхождения, периодической печати авторы статьи находят предпосылки подобного «единства противоречия» в особенностях политического, национально-идентичностного словоупотребления рассматриваемой эпохи. Оба героя исследования, вдохновляясь идеей сибирского университета, апеллировали к таким понятиям, как «патриотизм», «родина», «страна» и ряду других, ключевых для национального самоопределения, категорий. Вместе с тем анализ семантических содержаний, которые Флоринский и Ядринцев вкладывали в эти слова, в контексте эволюции их национально-политической картины мира приводит нас к выводу о понятийной трансгрессии, гетерогенности их политического словаря и, как следствие, о глубоком противоречии во взглядах двух героев, а шире – двух течений общественно-политической мысли России второй половины XIX – начала XX вв.

Совокупность этих противоречий привела к невозможности сосуществования в «ментальном» пространстве первого сибирского университета Флоринского как государственника-консерватора и Ядринцева как областника. Отсюда вытекает и отчуждение представителей сибирского областничества, в частности Н.М. Ядринцева, от Императорского Томского университета.

Ключевые слова: Томский университет, сибирское областничество, Н.М. Ядринцев, В.М. Флоринский, понятийная трансгрессия, национальная идентичность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergei.fominyh1940@mail.ru (С.Ф. Фоминых)